

КОШКИНА Елена Геннадьевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
ул. Мясницкая, 20, г. Москва, 101000, Россия; тел.: +7(495)7729590;
e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4463-9071

**К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА В ДИАХРОНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Аннотация. *Цель* статьи — представить комплексный анализ языковой репрезентации концепта «пространство» в диахронии с позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. *Объектом* исследования становится изменение ментального образа пространства под воздействием экстралингвистических факторов, имеющее выражение на вербальном уровне в лексико-семантической парадигме языковых единиц — репрезентантов концепта. *Предмет* исследования — семантическая структура вербализаторов концепта «пространство», элементы которой рассматриваются как когнитивные признаки, формирующие содержание рассматриваемого концепта и находящиеся по отношению друг к другу в иерархических отношениях (дифференциальные и классификационные признаки). В *результате* исследования были инвентаризованы языковые единицы двн., свн., рвн.¹, семантические компоненты которых репрезентируют когнитивные признаки, отражающие содержание концепта; проанализировано изменение системы этих признаков, выявлены наиболее и наименее ярко выраженные, на основании чего сделан вывод о коммуникативной релевантности, значимости, ценности концептуализируемого фрагмента / объекта действительности для человека определённой нации в рассматриваемый исторический период времени (дохристианская и христианская эпохи). *Практическое применение* результатов исследования возможно в рамках спецкурса или научного исследовательского семинара по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (раздел «Методы и приёмы описания концептов»), а также при работе над темой «Становление и развитие словарного состава немецкого языка» в курсах по лексикологии и истории немецкого языка. *Основными научно-практическими методами* проведения анализа стали метод сплошной выборки (→ инвентаризация лексических единиц), семантико-этимологический анализ / семный анализ, сочетаемый с методом анализа словарных дефиниций (→ установление набора семантических компонентов единиц-репрезентантов концепта), метод семантико-когнитивного описания концепта (→ интерпретация результатов семантического анализа, перевод полученных данных на когнитивный уровень).

Ключевые слова: концепт «пространство»; лингвокультурный, лингвокогнитивный, семантико-когнитивный подходы; вербализация концепта; диахрония; дифференциальные и классификационные признаки; немецкий язык.

Постановка проблемы. Когнитивный подход к исследованию семантики слов (семантико-когнитивный подход к языку), к интерпретации семантических компонентов языковых единиц, объективирующих когнитивные дифференциальные и классификационные признаки концепта «пространство», определяет актуальность проведенного анализа. Его значимость видится нами в том, что рассмотренные способы вербальной объективации концепта осуществляется в диахронии (VIII–XVII вв., т. е. древне-, средне- и начало ранненововерхнемецкого периода в развитии немецкого языка).

Постановка задач исследования. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть способы языковой репрезентации концепта в диахроническом аспекте через выявление и описание его когнитивных дифференциальных и классификационных признаков. Представленное в статье исследование выполнено на примере языковых единиц номинативного поля концепта «пространство».

Выбор в качестве объекта исследования ментального образа пространства, сформированного когнитивным сознанием человека, продиктован тем, что пространство есть основополагающая категория бытия. Мы исходим из того, что все изменения, так или иначе затрагивающие духовную и материальную сферы жизни человека и общества, имеют определенное отражение на ментальном образе пространства. Это, в свою очередь, непременно отражается в языке. И быстрее всего на лексическом уровне, в лексико-семантической парадигме языковых единиц, вербализующих концепт. Для нашего анализа мы отобрали следующий ряд единиц его номинативного поля: полнзначные именные части речи, имена существительные, прилагательные, а также наречия (глаголы — только в качестве вспомогательного материала), которые в структуре своего значения имеют пространственную сему. По своим словообразовательным признакам отобранные номинанты являются как корневыми, так и производными и состоящими из нескольких основ лексемами. Для полноты картины привлекались также устойчивые выражения, включающие в свой состав рассматриваемые репрезентанты. Материал извлекался из лексикографических источников исторического, этимологического и фразеологического характера².

¹ Здесь и далее сокращение для древне-, средне- и ранненововерхнемецкого периода развития немецкого языка.

² Был проанализирован целый ряд словарей — исторических (С. Baufeld [27], J. Grimm, W. Grimm [32], F. Maurer, F. Stroh [28], M. Lexer [34], H. Paul [35], R. Schützeichel [36], E. Seebold [37], J. Splett [38]), этимологических (F. Kluge [33], W. Pfeifer [30] и др.) и фразеологических (Borhardt-Wustmann-Schoppe [29], A. Graf [31] и др.)

В соответствии с вышесказанным первоочередной задачей нашего исследования стала инвентаризация языкового материала и его последующий семантический и когнитивный анализ, в результате которого выявлялась совокупность когнитивных дифференциальных и классификационных признаков концепта. Последние, в свою очередь, ранжировались нами по принципу наиболее значимых, коммуникативно-релевантных, в рамках рассматриваемых эпох. Далее мы пытались проследить, как со временем будет меняться система этих признаков, какие из них будут утрачивать свою релевантность, а какие приобретать значимость и почему.

Связь с предыдущими исследованиями. Учёные-когнитивисты, делая попытки найти новый подход к пониманию нашего сознания, занимаясь проблемами языкового представления когниций (познавательной деятельности человека), стараются ответить на вопрос, какими типами знания и в какой форме обладает человек, в каком виде познание представлено в нашем сознании. Они интересуются, как человек оперирует своим знанием, как передает другим, используя язык. Для анализа этих процессов в метаязыке когнитивной лингвистики используется понятие концепта. Являясь относительно новым термином, *концепт* обладает множеством дефиниций, ни одна из которых не претендует на исчерпывающее объяснение термина. В нашем исследовании мы опирались на два подхода к пониманию концепта. В первую очередь — это «квант хорошо структурированного знания, результат процесса концептуализации, протекающего в ходе познавательной деятельности человека», это «своеобразный фокус знаний о мире» [1; 3; 10; 20]. Это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [10, с. 89]. Описанное понимание концепта даёт лингвокогнитивный подход.

С лингвокультурологической позиции концепт рассматривается С. Г. Воркачёвым, В. И. Карасиком, В. А. Масловой, Ю. С. Степановым и др. [4; 9; 15; 21]. Согласно этому подходу, концепт представляет собой «коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры определенной эпохи». В данном определении акцент сделан на кумулятивную функцию языка, т. е. язык способен хранить и передавать накопленный народом опыт и его видение мира.

Остановимся также на структуре концепта и рассмотрим конституирующие его элементы. Здесь мы опираемся на теорию З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые предлагали описывать структуру концепта в единстве его когнитивных (дифференциальных и классификационных) признаков. Причём степень выраженности того или иного признака различна, что обуславливается экстралингвистически. Чтобы выявить структурирующие концепт когнитивные признаки, мы осуществили, во-первых, *семантико-этимологическое описание* вербализующих его единиц (по периодам развития языка). То есть мы попытались установить, какой набор сем определял в каждый период языкового развития значение выбранных для описания концепта лексем. Полученный набор семантических компонентов мы «проинтерпретировали» на когнитивном уровне, в результате чего были выявлены когнитивные дифференциальные признаки концепта. Вследствие обобщения однородных признаков этого вида, установили набор когнитивных классификационных признаков.

Изложение основного материала. Проиллюстрируем далее на конкретном языковом материале, как на практике работает описанная выше теоретическая модель анализа концепта.

Для более системного изложения мы позаимствовали из лингвокультурологии представление о пространстве в виде бинарных оппозиций¹: «верх-низ» и «внутренний-внешний». Последнюю можно представить совокупностью противопоставлений «закрытый — открытый», «близкий — далёкий», «свой — чужой» / «этот мир — иной мир», «хороший — плохой». Опираясь на такое видение пространства, мы осуществили инвентаризацию соответствующих языковых единиц, представив их в виде семантико-парадигматических рядов.

Приступая к анализу оппозиций, мы, в первую очередь, остановились на противопоставлении «верх-низ». При этом мы опирались на понимание вертикали как наиболее значимой пространственной категории, как в физическом, так и в психологическом плане. В мифологическом сознании вертикаль представляла собой мировую ось, центр мира и соединяла нижний, средний и верхний миры². Видение верхнего пространства человеком было довольно сложным и в какой-то степени противоречивым. Оно несомненно мыслилось как место жительства Богов / Бога, было с одной стороны бесконечным, в с другой стороны, имеющим границы. Соответственно на концептуальном уровне это выражалось наличием в структуре концепта ряда дифференциальных признаков (см. схему 1:)

Установлению этого ряда дифференциальных признаков способствовал семантико-этимологический анализ таких единиц его номинативного поля (формирующих семантико-парадигматический ряд «верхнее пространство»), как двн. *himilríkhi*, свн. *himelriche*, двн. *gotesriche* «царство Божье», *diu ewige zelle* «вечное обиталище», двн. *himilring*, «небесный круг», двн. *himilhof*, *-hūs*, «небесные покои», двн. *himelture*, свн. *himelpforte* «небесные врата», *wunnigarto*, *zartkarto* «рай», где свн. *wunne* — «счастье,

¹ См. труды Т. В. Цивьян, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Т. В. Топоровой и др. [25; 8; 24].

² В мифологической картине мира вертикальная ось представлялась в виде мирового дерева (лат. *arbor mundi*, др.-герм. *Yggdrasiss*, — дендроцентрическая модель мира) / священной горы (двн. *weraltberg*, *werltperg* — орологическая модель), мировой реки (гидроцентрическая модель).

радость, красота», *zart* — «прекрасный» и др. Обобщая представленные дифференциальные признаки, приходим к выводу, что в ментальном представлении пространства присутствуют такие его характеристики, как «аксиологическая значимость», «религиозная значимость», «характер пространства» и др. Они рассмотрены как когнитивные классификационные признаки концепта (далее — ККП).

Схема 1

Добавим также, что при анализе верхнего пространства нам пришлось столкнуться с многочисленными синонимами (свн. *Himelphat* / *himelstrâze* / *himelstic* «дорога / тропа, ведущая на небо») и случаями метафоры (двн. *sunnenparadîs*, свн. *Wunnigarto*, *zartkarto*, *der feurein himel*). Высокая степень вербальной экспликации представления о верхнем пространстве (высокая номинативная плотность) свидетельствует, на наш взгляд, о важности верхнего мира для сознания человека раннего Средневековья. К не менее интересным результатам приводит семантико-этимологический анализ единиц, вербально репрезентирующих ментальное представление о нижнем пространстве (потустороннем мире) (см. схему 2:)

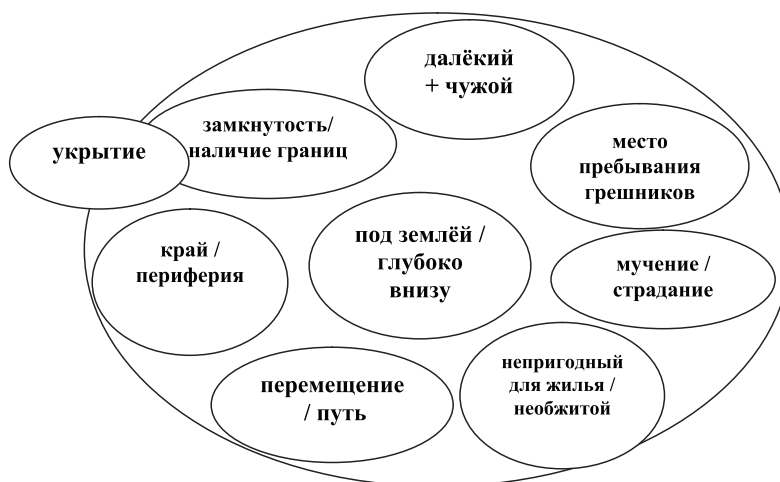

Схема 2

Представленные на схеме дифференциальные признаки были установлены в ходе анализа таких единиц его номинативного поля (формирующих соответственно семантико-парадигматический ряд «нижнее пространство»), как двн., свн. *helle* «место, где можно спрятаться, укрыться», двн. *niderland*, двн. *hellagruoba*, двн. *portahella*, свн. *hellephat* / *hellestic* «путь в ад», двн. *niderrîs* «место для падших людей», *hellebrant* — «мучение огнём», «чистилище» др.

Обобщая дифференциальные признаки, можно заключить, что в представлении о нижнем пространстве присутствует негативная оценка (основывающаяся на чуждости, мучениях, страхе). Человек дистанцирует себя от этого места, считая его далеким, чужим, необжитым, местом, куда попадают, будучи наказанным. Эти характеристики можно условно принять за классификационные признаки нижнего пространства.

В качестве единиц, вербализующих представление о срединном пространстве, нами были рассмотрены лексемы двн. *mittilagart*, *mittingart* «земля, мир», двн. *mitta*, двн. *garto*, а также двн. парная формула *himil endi erda* «небо и земля». Их семантико-этимологический анализ позволяет выявить такие важные характеристики срединного пространства, как огороженный, замкнутый и защищённый от проникновения плохого из внешнего мира и др. Исходя из сказанного, основными дифференциальными признаками, конституирующими ментальное представление о срединном пространстве становятся следующие (см. схему 3):

Схема 3

От вертикального пространства переходим к рассмотрению ментального представления о горизонтальном пространстве. Для его анализа мы выбрали модель круга, которая лучше всего подходит для описания через оппозицию, именно противопоставление внутреннего пространства (внутри круга, центральной его части) внешнему, расположенному за пределами / за границей круга.

К мысли воспользоваться идеей круга нас подтолкнули такие наименования земли / земного мира, как двн. *uuerltring*, *erdaring*, где *-ring* (двн. *(h)ring*, свн. *rinc*) — это круг. Так же у древних германцев именовалось собрание людей, на котором решались важные правовые вопросы (ср. также двн. *dinc*, герм. **pinga-z* «людское собрание», «суд», *zu ding und ring da sin*, *ring slân* «проводить собрание», *zu ding und ring gehen* «собратся на совет»). Эти примеры свидетельствуют о том, что идея круга для человека изначально имела особое значение, как в мировоззренческом, так и в правовом значении.

Оппозиция «внутренний — внешний», посредством которой мы описываем пространство, может быть интерпретирована как «свой — чужой» (с такой позиции оно рассматривается в работах Ю. М. Лотмана, Э. Бенвениста и др. [13; 2; 5; 17; 18]). И если свой — это в аксиологическом плане хороший, то *чужой* — мир плохой, чуждый, враждебный, неизведанный, таящий в себе угрозу.

Остановившись подробно на рассмотрении близкого пространства, установили следующие компоненты (дифференциальные признаки), конституирующие ментальное представление о нем (см. схему 4):

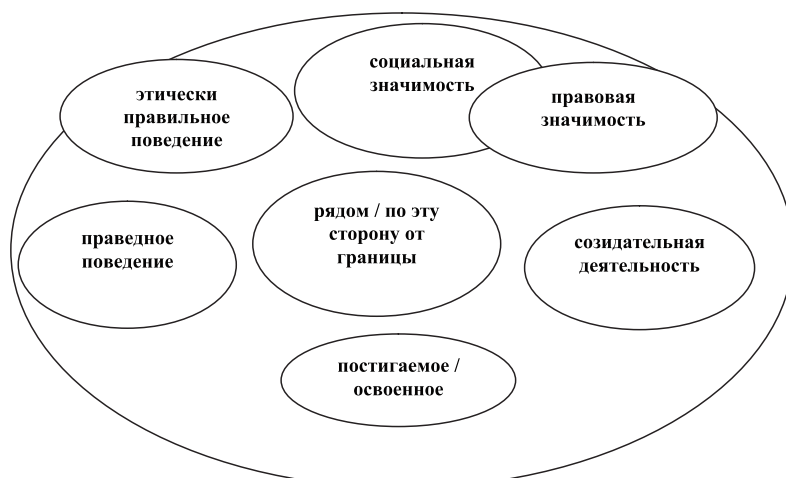

Схема 4

Приведённый ряд дифференциальных признаков был установлен на основе анализа единиц номинативного поля пространства, формирующих семантико-парадигматический ряд «близкое пространство»: двн. *nâch*, свн. *nâh*, от герм. **nâhwa-* «близкий», *in eina halba* «по эту сторону, здесь», двн. *(h)ring*, двн. *dinc* и др. Обобщая их, мы получаем классификационные признаки «центральное (рас)положение», «положение по эту сторону (границы)», «упорядоченность», «правильность».

В ходе описания ментального представления своего пространства выяснили следующий интересный факт. В дохристианском сознании свое близкое пространство (ограниченное стенами, дверью, порогом своего жилища) противопоставлялось небытию, не-пространству. В этой связи большое значение получает граница, которая призвана отделить (и в большей степени обособить) своё (правильное) пространство от чужого хаотичного. Для христианского же сознания далёкое, лежащее за границей своего (пространство в пределах визуальной / физической досягаемости, которое населено людьми одной веры, культуры), не являлось полным небытием или чем-то иррациональным. Другое понимание получает и граница, обретая новый правовой статус.

Возвращаясь к отражению своего пространства на ментальном уровне, представим в дополнение к приведенным выше и служащим характеристиками близкого пространства, еще некоторые наиболее значимые КДП (см. схему 5:)

Схема 5

О наличии таких когнитивных дифференциальных признаков можно судить по результатам лексико-этимологического и последующего когнитивного анализа следующих вербальных репрезентантов: двн. *erdring*, *weraltring*, свн. *werltkreis* «мир / круг мира» (расположение / проживание в центре), двн. *stata* «место проживания», ср.: и.-е. **sta-*, **ste-* «стоять», двн. *heima*, свн. *heim*, ср.: и.-е. **kei-* «лежать», свн. *hûsen* «строить, оседать» (оседлый образ жизни), свн. *heri*, фразеологизм *ein eigener herd, ein braves weib sind gold und perlen werth*. (дом-очаг, перенесение огня в дом, его значимость для оседлого человека), двн. *heimôti*, свн. *heimuote* (родная сторона, окультуренность, мирное сосуществование).

Обобщив названные выше КДП, можно заключить, что в ментальном представлении своего близкого пространства присутствуют такие его характеристики, значимые для человека (собственно когнитивные классификационные признаки концепта), как «размер своего пространства», «образ жизни», «степень освоенности территории», «форма / способ (со)существования» и др.

Продолжая рассмотрение своего пространства, перейдем к характеристике ментального представления дома-жилища в ракурсе дохристианского и христианского мировоззрения. Прежде чем описать присутствовавшую на когнитивном уровне разницу в восприятии своего дома-жилища, представим схематично его основные когнитивные характеристики (КДП) (см. схему 6:)

В дохристианском сознании жилище — это временная постройка (вербально реализуется через двн. *hutta*, двн., свн. *(ge)zêlt*, двн. *selida*, *herberge*) с ее основными функциями — защита, укрытие, сохранение в безопасности, обеспечение мирного существования с другими его обитателями (о чем свидетельствуют следующие единицы номинативного поля двн., свн. *hûs* от и.-е. **(s)kû-* «покрывать, накрывать», *j-n hûsen oder herbêrgen / j-n hûsen oder hoven oder schirmen* «защитить и дать кров / приютить», фразеологизм *Eintracht baut das Haus, Zwietracht reißt es nieder*).

Актуальность названных КДП в сознании средневекового человека несколько изменяется, а значимость некоторых утрачивается. Одновременно с этим в структуре концепта появляются и новые признаки, яркость которых постепенно увеличивается, наблюдается их активное перемещение к ядру концепта. Это характерно, например, для КДП: «функционально разделенное жилище» (о высокой степени экспликации свидетельствуют многочисленные языковые единицы, репрезентирующие соответствующую область пространства: двн. *gimah*, свн. *gemach* «удобная отдельная (жилая) комфортабельная комната», двн. *eßgemach* «столовая», *schlafgemach* «спальня», *kinds gemach* «детская»,

двн. *keminâta*, свн. *keminâte* «отопливаемая комната», двн. *kellarî*, свн. *keller* «погреб»). Наряду с КДП «функционально разделённое жилище», большую значимость получают и когнитивные дифференциальные признаки «уют, (психологический) комфорт» (*Zu Hause ruht man am besten aus*), «семья» (двн., свн *hûs* «семья»), «домашнее хозяйство» и некоторые другие.

Схема 6

Изменения в актуальности и значимости дифференциальных признаков, дающих в своей совокупности характеристику пространства в дохристианский и христианский периоды, объясняются экстралингвистически: переменами в реальной исторической действительности, природными условиями и т. д. Дом, считавшийся первично временным укрытием, приобретает со временем функцию надёжной постоянной защиты, места физического и психологического комфорта, домашнего мира / покоя.

Интересен на данном этапе анализа тот факт, что такой КДП, как «сакральность», хотя и не теряет своей актуальности, но мыслится по-разному. Жилище язычника, возводимое в месте, указанном богами, сакрально а priori. Святым, а значит неприкосновенным, считает своё жилище и христианин, полагая, что Всевышний защищает и оберегает его от всякого чужого и несущего вред. А вот КДП «домашнее хозяйство» важен, конечно же, для христианского сознания. Здесь дом — это, прежде всего, семья, члены которой объединяются совместной деятельностью и стремятся к достижению общего благополучия.

Двигаясь в анализе ментального представления своего пространства от центра к периферии, опишем, как на ментальном уровне были представлены его нецентральные зоны, т. е. пространство своё, по эту сторону границы. Для этого отразим в привычном схематичном виде совокупность его дифференциальных признаков (см. схему 7:)

Схема 7

Представленные на схеме дифференциальные признаки концепта были установлены в результате семантико-этимологического анализ таких единиц его номинативного поля (формирующих соответственно семантико-парадигматический ряд «периферийные зоны своего пространства»), как двн.,

свн. *hof* «двор», «ограждение в форме круга», свн. *houc* «холм», двн. *frithhof*, свн. *vrithhof* «огороженное пространство вокруг храма / двора¹», двн. *burg*, свн. *burc* «укрепленная возвышенность», двн. *ackar*, свн. *acker*, устойчивое выражение *zi ackere gangan* «работать в поле», двн., свн. *rûm*, свн. *art*, (ср. двн. *arôn* «пахать») *artlant* «своя обрабатываемая (окультуренная) земля вблизи жилища», а также двн., свн. *lant* «область, на которую распространялось право владения».

Обобщая однородные (дифференциальные) признаки, можно заключить, что в представлении о периферийных зонах своего пространства, расположенных по эту сторону границы присутствует такие критерии характеристики этой пространственной области, как (ККП): особое расположение (вокруг дома — максимально близко к центру, на возвышенности, в пределах границы) в сочетании с религиозной значимостью, присутствие деятельности человека, получение права собственности. Таким образом, рассматриваемая пространственная область может быть описана в аксиологическом, деятельностно-правовом и функциональном аспекте.

Полученные результаты позволяют в итоге заключить, что периферийные зоны своего пространства рассматривались (в дохристианскую эпоху) как продолжение сакрального пространства дома. Осознание необходимости оберегать и защищать эту территорию усилило значимость ограды и в целом границы.

По мере увеличения интенсивности и усложнения характера хозяйственной деятельности произошло «расширение» периферийных зон «своего», что обусловило постепенную утрату рассматриваемым пространством его сакрального характера. В период формирования государственности и развития городов своё пространство — это территория населённого пункта, превращающегося постепенно в важный политико-правовой, экономический и культурный центр. На этом мы завершаем описание ментального представления своего пространства и его вербального выражения и переходим к анализу особенностей восприятия чужого пространства и его репрезентации в языке.

О том, что в дохристианскую и христианскую эпоху не-своё пространство отражалось в сознании человека неодинаково, свидетельствует вербализация разных когнитивных признаков концепта. К их числу относятся КДП (см. схему 8):

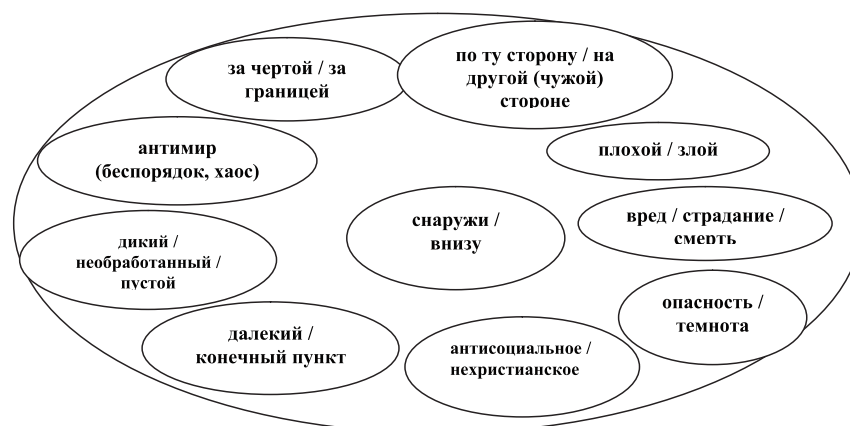

Схема 8

Выявлению совокупности дифференциальных признаков, характеризующих пространство как чужое, способствовал семантико-этимологический анализ языковых единиц соответствующего семантико-парадигматического ряда: двн. *nordan*, свн. *norden* «север, северная сторона» (от и.-е. **ner-* «вниз, внизу»), двн., свн. *wit*, двн. *ferro*, свн. *ver*, «далеко, вдалеке», двн. *fremidi*, свн. *fremede* «отдаление», двн. *enti*, свн. *ende* «конечный пункт», двн. *wituobele* «далекое пространство», нвн. *übel* «плохой, злой, неприятный», двн. *wild*, др.-сакс. *wildi* «пустынный», двн. *ôdi / einôti* «глухое место, пустыня», двн. *wuosti, wuostweldi*, свн. *wüeste*, зап.-герм. **wôsti-* «необработанная земля», двн. *absite* «лежащая в стороне местность», *ensit* «по ту сторону, на другой стороне», двн., свн. *elilento* «за пределами страны, на чужой стороне», свн. *daz elende būwen* «жить в чужой земле», *ins elend fahren / gehen*, «отправляться на чужбину», двн., свн. *gast* «чужак», *j-m gast sin* «быть далеко», «быть чужим, а также фразеологизм *Fern vom Haus ist nahe beim Schaden*».

Названные когнитивные дифференциальные признаки являются свидетельством резкой негативной оценки чужого пространства, которое расположено далеко относительно своего (возможно, под землёй) и характеризуется, в противоположность своему, бесструктурностью и в какой-то степени хаотичностью. Именно такое представление о не-своём пространстве имел человек дохристианской эпохи.

¹ Возможность сопоставить пространство храма (замкнутое, своё для членов одной социальной группы) и дома (замкнутое, своё для отдельного человека) позволяет рассматривать дом как пространство, обладающее святостью, сакральностью.

В христианском сознании это представление меняется, что, согласно нашему исследованию, связано помимо всего прочего с действием такого экстралингвистического фактора, как установление традиций гостеприимства (отражение этого на вербальном уровне можно проследить с помощью семантической трансформации — улучшение значения — лексемы двн., свн. *gast* «чужак» → «гость»). Появление этой традиции говорит о том, что человек перестал испытывать страх перед чужим пространством, оно перестало быть потусторонним антимиром, в котором господствует хаос и где каждый обречён на погибель. Таким образом, категорическое неприятие и негативная оценка чужого постепенно сменяются на нейтральное отношение к нему, а ещё позже — на определённого рода интерес и стремление к контакту.

После того, как было рассмотрено представление своего и чужого пространства, позволим себе остановиться на ментальном отражении границы (пограничного пространства) и его вербальной репрезентации. К её основным характеристикам, наиболее ярко выраженным когнитивным признакам, относятся следующие (см. схему 9):

Схема 9

Наличие когнитивных дифференциальных признаков «разделительная линия» (черта между своим, безопасным и враждебным, опасным и чужим, гармонически организованным и хаотичным; культурным, безопасным и враждебным, опасным; между миром живых и мёртвых), «лес», «препятствие», «соединяющая линия — принадлежность обеим пограничным культурам», «пограничная область», «целостность», «неприкосновенность», было установлено в процессе семантико-этимологического и когнитивного анализа таких единиц номинативного поля концепта, как ср. двн. *mark*, свн. *lantmarke*, свн. *erdmarka*, свн. *holzmarke*, фразеологизмов *alte Marksteine soll man nicht verrücken, ein Grenzstein verhütet viel Streit* и некоторых других.

Выявленные КДП свидетельствуют о том, что в дохристианском сознании граница мыслилась (трудно или практически непреодолимой) линией, разделяющей два диаметрально противоположных мира, один из которых был маркирован положительно, второй — отрицательно.

В связи с той огромной значимостью, которую имела граница легко объяснить стремление человека обозначить ее, пометить, где заканчивается своя и начинается чужая территория. На наш взгляд, «необходимость быть обозначенной, однозначно и понятно маркированной» также относится к дифференциальным признакам пограничной линии. Вербально этот признак отражён следующими лексемами — единицами номинативного поля концепта: свн. *marcboum* / *mâlbaum* «пограничное дерево», двн. *lâh*, свн. *lâche*, рнвн. *lache* «надрез, зарубка на дереве», двн. *markstein* / *lâchstein* / *bietstein* / *mâlstein* / *tirmstein* «пограничный камень», двн. *marchoug* «или пограничный холм». Среди перечисленного особенно интересен репрезентант двн. *mâlbaum* (также — свн. *mâlstat* «место прохождения границы»), т. к. его первый компонент (двн. *mâl-*), восходящий к и.-е. **me-* «измерять» указывает на еще одну важную функцию границы — структурировать пространство, обозначить его количественно.

Отметим, что рассматриваемая нами в качестве первичной сакрально-структурирующая функция границы приобретает со временем другую интерпретацию. Основной задачей границы становится разделение по социальному национальному, конфессиональному признаку.

При описании границы своего пространства нельзя не проанализировать большую значимость, которую придавали границе собственного жилища, представленной дверями (воротами), стенами, окнами, крышей, порогом.

К когнитивным дифференциальным признакам, вербализованным лексикой с общим значением «граница дома» (двн., свн. *want* «стена с ее защитно-охраняющей функцией», двн. *bodam*, свн.

bodem «пол как основа дома», двн. *dah*, свн. *dach* «крыша», двн. *fenstar*, свн. *venster* «окно», двн. *turi*, свн. *tür(e)* «дверь, отделяющая внутренний мир от внешнего», двн., свн. *zûn* «забор», двн. *fridu*, свн. *vride* «ограда», ср. нвн. *Frieden* «мир»), относятся следующие (см. схему 10):

Схема 10

На основе названных КДП можно также говорить о важной защитно-оберегающей функции границ дома, которые должны гарантировать его целостность и обеспечивать мирное протекание жизни.

Подходя к завершению изложения основных моментов проведённого исследования, обобщим основные особенности вербальной объективации концепта «пространство» в диахронии.

К когнитивным дифференциальным признакам, ставшим в дохристианском мировоззрении при восприятии и оценке пространства особенно значимыми и оказавшимся наиболее ярко эксплицированными в языке того периода, могут быть отнесены:

а) в качестве **основных / общих**: *отнесённость пространства к своему / чужому; расположенность относительно центра круга и его границ; сакральность / религиозная значимость; степень освоенности; аксиологическая значимость; (потенциальные) функциональные возможности / назначение (функционально-религиозное, правовое назначение);*

б) в качестве специфических: *этическая ценность; условия существования пространства; характер пространства; форма (со)существования; способ нахождения / существования социума в пространстве.*

Для христианского сознания наиболее значимыми оказались такие основные / общие КДП, как: *отнесённость пространства к своему / чужому; расположение относительно центра круга и его границ; аксиологическая значимость; функциональное назначение* и ряд специфических КДП, которые связаны с религиозно-правовой сферой, напр.: *целостность, неприкосновенность* (своего, границы) и т. п.

Идентичность некоторых общих КДП обоих периодов свидетельствует о том, что они являются теми универсальными характеристиками пространства, которые в первую очередь принимают участие в создании ментального образа окружающей действительности и подвергаются языковому овнешнению, тогда как специфические признаки отражают в своей совокупности особенности восприятия пространства сознанием конкретной эпохи.

Выводы. Таким образом, в данном исследовании мы руководствовались гипотезой о том, что развитие способов вербального овнешнения рассматриваемого концепта в диахронии обусловлено изменением совокупности когнитивных дифференциальных признаков, структурирующих концепт и являющихся коммуникативно-релевантными и значимыми при восприятии пространства. Данное восприятие детерминировано экстралингвистически и зависит во многом от господствующего в конкретную эпоху мировоззрения.

Изменение набора КДП, связанное с *изменением ментального отображения пространственных реалий и их оценки*, приводит к *семантическим трансформациям* соответствующих языковых единиц. К наиболее ярким и значимым случаям семантической трансформации языковых репрезентантов относятся такие: утрата одного из значений с последующей нейтрализацией полисемии (значение «своя обрабатываемая земля» утрачивается у свн. *rûm*); появление нового значения в семантической структуре слова (у двн. *heima* появляется значение «дом-семья»); потеря значимости какой-либо семы (у двн., свн. *hof* утрачивается сема «возвышенность»); перенос наименования с одного денотата на другой, основанный на метафоре (двн. *elilento* «на чужой стороне» и нвн. *elend* «нужда», рнвн. *hûsgemach* «домашний комфорт, уют», затем «комната») или метонимии (двн. *zimbar*, свн. *zimber* изначально «строительный материал», затем — «дом» и «комната»); улучшение значения (свн. *heime suchen* «проникать в дом с враждебными намерениями» → нвн. *heimsuchen* «посещать»); ухудшение значения слова (двн. *karkâri*, свн. *kerker* «ограждение» → свн. *kerkére* «тюрьма»); устаревание лексемы вследствие потери денотатом актуальности (двн. *mâlbaum* «пограничное дерево»).

Результаты исследования позволяют заключить, что в основе концептуализации пространства лежит процесс выделения когнитивным сознанием человека значимых коммуникативно-релевантных

дифференциальных признаков. Диахронический ракурс нашей работы даёт возможность увидеть, что концептуализация в разные временные периоды протекает по-разному. Сознание носителей языка приспособливает в связи с этим определённые способы вербальной объективации когнитивных признаков. На их основе и производится описание особенностей вербальной репрезентации рассматриваемого концепта.

Л и т е р а т у р а

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка / А. П. Бабушкин. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. — 104 с.
2. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. / [общ. ред. и вступ. Ю. С. Степанов] ; Э. Бенвенист. — М. : Прогресс-Универс, 1995. — 456 с.
3. *Болдырев Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / ред. И. А. Стернин. — Воронеж : ВГУ, 2001. — С. 25–36.
4. *Воркачёв С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. — М. : Гнозис, 2004. — 192 с.
5. *Выходцева И. С.* Концепт «свой-чужой» в советской культуре (20–30-е гг.): дис. ... канд. филол. наук / И. С. Выходцева. — Саратов, 2006. — 187 с.
6. *Гудимова С. А.* Символы культуры : сб. статей / РАН; ИНИОН. Центр гуманитарных науч. информ. Исследования / отв. ред. И. Л. Галинская. — М., 2002. — 220 с.
7. *Евтушенко Е. Н.* Концепт «пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Евтушенко. — Волгоград, 2004. — 167 с.
8. *Иванов Вяч. Вс.* Славянские, языковые, моделирующие семиотические системы (Древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. — М. : Наука, 1965. — 134 с.
9. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
10. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 167 с.
11. *Кубрякова Е. С.* О ментальном лексиконе : лексикон как компонент языковой способности человека / Е. С. Кубрякова // Актуальные проблемы современной лингвистики ; сост. Л. Н. Чурилина. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 416 с.
12. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева; посл. А. Я. Гуревича ; Ж. Ле Гофф. — Екатеринбург : У-Фактория, 2005. — 560 с.
13. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 464 с.
14. *Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / В. А. Маслова. — М. : Флинта : Наука, 2004. — 296 с.
15. *Маслова В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. / В. А. Маслова. — М. : Академия, 2007. — 208 с.
16. *Никитин М. В.* Развёрнутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов : ТГУ, 2004. — № 1. — С. 53–64.
17. *Пеньковский А. Б.* О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. — М. : Наука, 1989. — С. 54–82.
18. *Петроченко М. Н.* Семантический компонент «свой-чужой» в фольклорном и диалектном бытовых текстах : дис. ... канд. филол. наук / М. Н. Петроченко. — Томск, 2005. — 230 с.
19. *Пименова М. В.* Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева; ГОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т». — Кемерово : Кузбассвузизд, 2006. — 179 с.
20. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
21. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М. : Академический Проект, 2001. — 992 с.
22. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / [научн. ред. З. Д. Попова] ; И. А. Стернин. — Воронеж : Воронежский ун-т, 1985. — 172 с.
23. *Стернин И. А.* Типы и концепты // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр., посв. юбилею Н. Н. Болдырева / [ред. Е. С. Кубрякова] ; И. А. Стернин. — Тамбов, 2005. — С. 257–282.
24. *Топорова Т. В.* Семантическая структура древнегерманской модели мира / Т. В. Топорова. — М. : Радикс, 1994. — 192 с.
25. *Цивьян Т. В.* Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. — М. : Ком Книга, 2005. — 280 с.
26. *Элиаде М.* Священное и мирское / Мирча Элиаде. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 144 с.
27. *Baufeld Ch.* Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen / Christa Baufeld. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. — 264 S.
28. *Deutsche Wortgeschichte* / hrsg. F. Maurer, F. Stroh. — Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1959. — Bd. I–III.
29. *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert* / Borhardt-Wustmann-Schoppe. — Leipzig : Brockhaus Verlag, 1955. — 539 S.
30. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* / Wolfgang Pfeifer. — Berlin : Akademie-Verlag, 1989. — Bd. I–III.
31. *Graf A.* 6000 deutsche und russische Sprichwörter / A. Graf. — Halle (Saale) : VEB Max Niemeyer Verlag, 1956. — 297 S.
32. *Grimm J.* Deutsches Wörterbuch : im 16 Bd. / J. Grimm, W. Grimm. — Leipzig : Verlag von s. Hirzel, 1854–1971. — 34824 S.
33. *Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Friedrich Kluge. — Berlin, New York : de Gruyter, 2002. — 1024 S.
34. *Lexner M.* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch / Matthias Lexner. — Leipzig, 1956.
35. *Paul H.* Deutsches Wörterbuch / Hermann Paul. — Halle (Saale) : Max Niemeyer Verlag, 1954. — 784 S.
36. *Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch / Rudolf Schützeichel. — Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2006. — 444 S.

37. Seebold E. Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Der Wortschatz des 8. Jahrhundert (und frühere Quellen) / Elmar Seebold. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2001. — 532 S.

38. Splett J. Althochdeutsches Wörterbuch. Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des Deutschen Wortschatzes / Jochen Splett. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1993. — Band I, II.

Использованные сокращения

герм. — германские языки	КДП — когнитивный дифференциальный признак
гот. — готский язык	ККП — когнитивный классификационный признак
греч. — греческий язык	лат. — латинский язык
двн. — древневерхненемецкий период	лит. — литовский язык
др.-герм. — древнегерманский язык	нвн. — нововверхненемецкий период
др.-сакс. — древнесаксонский язык	рнвн. — ранненововверхненемецкий период
др.-слав. — древнеславянский язык	рус. — русский язык
зап.-герм. — западногерманские языки	свн. — средневерхненемецкий период
и.-е. — индоевропейский язык	южн.-нем. — южнонемецкий ареал

References

- Babushkin, A. P. (1996), *Concepts' types in the lexical and phraseological language systems* [Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка], Voronezh State Univ., Voronezh, 104 p.
- Benvenist, E., ed. (1995), *Dictionary of Indo-European social terms* [Slovar' indoevropskikh social'nykh terminov], Progress-Univers, Moscow, 456 p.
- Boldyrev, N. N. (2001), "Concept and words' meaning", *Methodological issues of cognitive linguistics* ["Koncept i znachenie slova"], *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*, Voronezh State University, pp. 25–36.
- Vorkachev, S. G. (2004), *Happiness as a lingual and cultural concept* [Schast'e kak lingvokul'turnyj concept], Gnozis, Moscow, 192 p.
- Vykhodceva, I. S. (2006), *Concept «svoj-chuzhoj» in the Soviet culture (in the 20's-30's) : Thesis* [Koncept «svoj-chuzhoj» v sovetskoj kul'ture (20–30 –e gg.) : dis.... kand. filol. n.: 10.02.04], Saratov, 187 p.
- Gudimova, S. A. (2002), *Cultural symbols* [Simvolj kul'tur], Moscow, 220 p.
- Evtushenko, E. N. (2004), *Concept "Space orientation" in the Russian and English linguocultures : Thesis* [Koncept «prostranstvennaja orientacija» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turakh : dis.... kand. filol. nauk: 10.02.04], Volgograd, 167 p.
- Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. (1965), *Slavonic language semiotic systems (Ancient times)* [Slavjanskije, jazykovye, modelirujushhie semioticheskie sistemy (Drevnij period)], Nauka, Moscow, 134 p.
- Karasik, V. I. (2004), *Language circle: personality, concepts, discourse* [Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs], Gnozis, Moscow, 390 p.
- Kubrjakova, E. S., Dem'jankov, V. Z., Pankrac, Ju. G., Luzina, L. G. ed. (1996), *A shorter dictionary of cognitive terms* [Kratkij slovar' kognitivnykh terminov], Moscow, 167 p.
- Kubrjakova, E.S. (2006), "About mental lexicon: lexicon as a component of language human language capacity", *Contemporary issues of modern linguistics* ["O mental'nom leksikone: leksikon kak komponent jazykovoju sposobnosti cheloveka"], *Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki*, Flinta, Nauka, Moscow, 416 p.
- Le Goff, Zh. (2005), *Civilization of the mediaeval West* [Civilizacija srednevekovogo Zapada], U-Faktorija, Ekaterinburg, 560 p.
- Lotman, Ju. M. (1999), *Within thinking worlds. Human-text-semiosphere* [Vnutri mysljashhikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istorija], Jazyki russkoj kul'tury, Moscow, 464 p.
- Maslova, V. A. (2004), *Introduction in cognitive linguistics* [Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku], Flinta, Nauka, Moscow, 296 p.
- Maslova, V. A. (2007), *Linguocultural studies* [Lingvokul'turologija], Akademija, Moscow, 208 p.
- Nikitin, M. V. (2004) "Abstracts about concepts", *Issues of cognitive linguistics* ["Razvernutyte tezisy o konceptakh", *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*], Tambov State University Press, Tambov, vol. 1. pp. 53–64.
- Pen'kovskij, A. B. (1989) "About category «strange» in Russian", *Issues of structural linguistics* ["O semanticheskoi kategorii «chuzhdosti» v russskom jazyke"], *Problemy strukturalnoj lingvistiki*, Nauka, Moscow, pp. 54–82.
- Petrochenko, M. N. (2005), *Semantic opposition „svoj-chuzhoj“ in folkloristic and common texts : Thesis* [Semanticheskij komponent «svoj-chuzhoj» v fol'klornom i dialektnom bytovyh tekstakh : dis.... kand. filol. nauk : 10.02.04], Tomsk, 230 p.
- Pimenova, M. V., Kondrat'eva O. N. (2006), *Introduction in conceptual researches* [Vvedenie v konceptual'nye issledovanija], Kemerovo Kuzbassvuzizd, Kemerovo, 179 p.
- Popova, Z. D., Sternin I. A. (2007), *Cognitive linguistics* [Kognitivnaja lingvistika], Vostok–Zapad, Moscow, 314 p.
- Stepanov, Ju. S. (2001), *Konstants : dictionary of Russian culture* [Konstanty : slovar' russkoj kul'tury], Akademicheskij Proekt, Moscow, 992 p.
- Sternin, I. A. (1985), *Lexical meaning of words in the speech* [Leksicheskoe znachenie slova v rechi], Voronezh State University Press, Voronezh, 172 p.
- Sternin, I.A. (2005), "Types and concepts", *Conceptual space of language* ["Tipy i koncepty", *Konceptual'noe prostranstvo jazyka*], Tambov, pp. 257–282.
- Toporova, T. V. (1994), *Semantic structure of the Old-German world model* [Semanticheskaja struktura drevnegermanskoj modeli mira], Radiks, Moscow, 192 p.

25. Civ'jan, T. V. (2005), *World model and its linguistic ground [Model' mira i jejo lingvisticheskie osnovy]*, Kom Kniga, Moscow, 280 p.
26. Eliade, M. (1994), *Sacramental and worldly [Svjashhenoe i mirskoe]*, Moscow State University Publ. House, Moscow, 144 p.
27. Baufeld, Ch. (1996), *Kleines frühneuhochdeutsches Wörterbuch. Lexik aus Dichtung und Fachliteratur des Frühneuhochdeutschen*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 264 p.
28. Maurer, F., Stroh, F., ed. (1959), *Deutsche Wortgeschichte* : im 3 Bd., Walter De Gruyter & Co., Berlin.
29. Borhardt-Wustmann-Schoppe, ed. (1955), *Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund nach Sinn und Ursprung erläutert*, Brockhaus Verlag, Leipzig, 539 S.
30. Wolfgang, P., ed. (1989), *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, Akademie-Verlag, Berlin, Bd. I–III.
31. Graf, A. (1956), *6000 deutsche und russische Sprichwörter*, VEB Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale). 297 p.
32. Grimm J. und W. (1854–1971), *Deutsches Wörterbuch : im 16 Bd.*, Verlag von s. Hirzel, Leipzig, 34824 p.
33. Kluge, F. (2002), *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1024 p.
34. Lexer, M. (1956), *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*, Leipzig.
35. Paul, H. (1954), *Deutsches Wörterbuch*, Max Niemeyer Verlag, Halle (Saale), 784 p.
36. Schützeichel, R (2006), *Althochdeutsches Wörterbuch*, Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 444 p.
37. Seebold, E. (2001), *Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Der Wortschatz des 8. Jahrhunderts (und frühere Quellen)*, Walter de Gruyter, Berlin. New York, 532 p.
38. Splett, J. (1993), *Althochdeutsches Wörterbuch. Analyse der Wortfamilienstrukturen des Althochdeutschen, zugleich Grundlegung einer zukünftigen Strukturgeschichte des Deutschen Wortschatzes*, Walter de Gruyter, Berlin, New York, Bd. I, II.

КОШКІНА Олена Геннадіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри німецької мови
 Національного дослідницького університету «Вища школа економіки»;
 вул Мясницька, 20, м. Москва, 101000, Росія; тел.: +7 (495) 7729590;
 e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4463-9071

ДО ПИТАННЯ ПРО СПОСОБИ МОВНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ КОНЦЕПТУ В ДІАХРОНІЇ (НА МАТЕРІАЛІ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ)

Анотація. *Мета* статті — подати комплексний аналіз мовної репрезентації концепту «простір» в діахронії з позиції когнітивної лінгвістики і лінгвокультурології. *Об'єктом* дослідження є зміна ментального образу простору під впливом екстралінгвальних чинників, яка виражена на вербальному рівні в лексико-семантичній парадигмі мовних одиниць, що репрезентують концепт. *Предмет* дослідження — семантична структура вербалізаторів концепту «простір», елементи якої розглянуто як когнітивні ознаки, що формують зміст цього концепту і перебувають у ієрархічних відносинах (диференційні та класифікаційні ознаки) стосовно один одного. Результатом дослідження стала інвентаризація мовних одиниць двл., свн., рвн., семантичні компоненти яких репрезентують когнітивні ознаки, що відображають зміст концепту. Проаналізовано зміни в системі цих ознак, виявлено найбільш і найменш яскраво виражені ознаки. На підставі цього зроблено висновок про комунікативну релевантність, значущість, цінність концептуалізованого фрагмента / об'єкта дійсності для людини певної нації в розглянутий історичний відрізок часу (дохристиянська і християнська епохи). *Практичне застосування* результатів дослідження є можливим у спецкурсах або науково-дослідних семінарах із лінгвокультурології та когнітивної лінгвістики (розділ «Методи та прийоми опису концептів»), а також під час роботи над темою «Становлення та розвиток словникового складу німецької мови» в курсах з лексикології та історії німецької мови. Основними науково-практичними *методами* проведення аналізу стали метод суцільної вибірки (→ інвентаризація лексичних одиниць), семантико-етимологічний аналіз / семний аналіз, поєднаний з методом аналізу словникових дефініцій (→ встановлення набору семантичних компонентів одиниць-репрезентантів концепту), метод семантико-когнітивного опису концепту (→ інтерпретація результатів семантичного аналізу, переклад отриманих даних на когнітивний рівень).

Ключові слова: концепт «простір»; лінгвокультурний, лінгвокогнітивний, семантико-когнітивний підходи; вербалізація концепту; діахронія; диференційні та класифікаційні ознаки; німецька мова.

Elena G. KOSHKINA,

Ph.D. in Philological Sciences, associate professor of Foreign Languages Department,
 Chair for German as a foreign language, Higher School of Economics;
 20 Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russia; tel.: +7(495)7729590;
 e-mail: e-lena-koshkina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4463-9071

THE ISSUE OF METHODS FOR LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CONCEPT IN DIACHRONY (BASED ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

Summary. *The purpose* of the article is to represent complex analysis of language representation of the concept “space” in diachrony from the perspective of Linguistics and Cultural Linguistics. *The object* of the research is the change of a mental image of space under the influence of extra-linguistic factors; the change is represented on verbal level in lexico-semantic paradigm of language units, represents of the concept. *The subject* of the research is the semantic structure of verbalisators of the concept “space”; elements of this structure are viewed as cognitive features formulating the content of the concept and structured in hierarchic relationship with each other (distinctive and qualification features).

The following theoretical results are achieved: inventory of language units of OHG, MHG and ENHG¹, whose semantic components represent cognitive features reflecting the content of the concept; analysis of changes in the system of these features, revealing of the least and the most evident ones, and a conclusion about communicative relevancy and significance of the conceptualized fragment / the extension for the representative of a certain nation in the viewed period of history. The theoretical results *can be applied* in training as a part of a special course or of a scientific-research seminar in Cultural Linguistics and Cognitive Linguistics (Part “Methods and techniques for concept description”), and while working on the topic “Development of German lexis” in Lexicology and History of German. *The major scientific and practical methods* of analysis are continuous sampling (→ inventory of lexical units), semantic-etymological analysis / componential analysis combined with a method of analysis of lexical definitions (→ revealing a pattern of semantic components of units representing the concept), a method of semantic-cognitive description of the concept (→ interpretation of the results of semantic analysis and of received data on cognitive level).

Key words: concept “space”; lingual-and-cultural; semantic-and-cognitive approach; verbalization of the concept; diachrony; distinctive and qualification features; the German language.

Статтю отримано 24.02.2017 р.

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115849>

УДК 811.161.2*373:821.161.2-311.6

НЕМИРОВСЬКА Олександра Федорівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри української філології і методики навчання фахових дисциплін Південноукраїнського національного педагогічного університету імені К. Д. Ушинського, вул. Старопортофранківська, 26, м. Одеса, 65020, Україна; тел.: +38 067 9681993; +38 048 7060843; e-mail: layma-59@ukr.net; agnia9886@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9638-152X

ХРОНОТОП ДОРОГИ В ЖАНРІ ІСТОРИЧНОЇ ПРОЗИ

Анотація. У статті розглянуто специфіку творення хронотопу дороги як одного з чинників утворення жанру історичної прози. **Предметом** аналізу є функціональне навантаження, особливості вживання, стилістичні конотації, образний потенціал, варіативність лексем на позначення руху. Дорога тісно пов'язана з художнім локусом і пронизує найрізноманітніші шари тексту, сполучається з іншими художньо-образними засобами і організовує весь текст. Кожне уживання лексеми на позначення руху є чітко продуманим: воно ілюструє широкий спектр образних і експресивних трансформацій, а також тісну взаємодію з іншими лінгвістичними й екстралінгвістичними факторами. **Результати** дослідження хронотопу дороги демонструють його прагматичну спрямованість у контексті, свідчать про наявність значного конотативного потенціалу з активованим стилістичним, експресивним компонентом, що максимально поглиблює експресію лексем на позначення руху, їхнє значення для створення хронотопу дороги. Основний **висновок** полягає в тому, що лексеми на позначення руху виконують текстоутворюючу, хронотопічну, експресивну, виразову функції, сприяють розкриттю авторської концепції.

Ключові слова: дорога, шлях, путь, власна назва, дромонім, художній хронотоп, історична проза.

Постановка проблеми. Художній простір (ХП) є одним із ключових компонентів літературно-художнього твору (ЛХТ). Він стає виразником авторської концепції, етико-естетичної оцінки та моральної характеристики героїв. Фактор просторовості визначає численні компоненти художньої системи, моделює часові, локальні, соціальні, етичні, національні та ін. параметри. Розгортання сюжету, поведінка персонажів нерозривно пов'язані із простором, в якому відбувається дія. ХП може бути природним і побутовим, може бути відкритим, безмежним і обмеженим; динамічним з цілеспрямованим рухом і статичним, застиглим. Спрямований рух у ЛХТ зумовлює появу однієї з домінуючих просторових категорій — образу *дороги* в її різноманітних проявах і варіаціях.

Дорога є тією точкою, де зав'язуються і вивершуються події, де відбувається розгортання сюжету, де час немовби «вливається» в простір і «тече» в ньому, творячи різні дороги. Саме лінійний, спрямований простір, уособленням якого є дорога, стає підґрунтям для образного переосмислення, метафоризації шляхів-доріг (*життєва путь, обрати іншу дорогу, творчий шлях*), а також для моделювання темпоральних категорій («дорога» як засіб розгортання характеру в часі) [5, с. 253].

Зв'язок проблеми з попередніми дослідженнями. Будучи найменш дослідженим аспектом ЛХТ (існують лише поодинокі мовознавчі і літературознавчі розвідки [2; 10; 12], хронотоп дороги (ХД) заслуговує особливої уваги, оскільки він може стати домінантою простору, що організовує весь текст. «...концепт *шлях* є одним з найважливіших «працюючих» концептів у площині «людина — простір», а семантика лексем, що становлять поле *шляху*, відображає численні аспекти взаємодії людини з близькими або віддаленими, видимими чи уявними просторовими сферами» [10, с. 17]. Неподільно

¹ Hereinafter an abbreviation for Old High German, Middle High German and Early New High German.